

Сергей Заяц

Место библейских образов в творчестве М. Волошина

Эпоха рубежа XIX-XX вв. отмечена многочисленными религиозными и философскими исканиями, поиском новых путей к совершенству, попыткой создания новой модели мира. Это, с одной стороны, эпоха человечества, отпавшего от Бога, а с другой, жадно желающего достучаться до небес, чтобы Его узреть. Душа металась в поисках света и свободы, а дела не приближали, а, наоборот, отдаляли от искомого. И все это, по мнению Вяч. Иванова, оттого что люди утратили в себе Бога: *«Обезбожение народа — его обездушение; обездушенный он обезличен и обесчещен. Массы забыли честь России, потому что они забыли свою душу; душу забыли, потому что потеряли лицо; лицо потеряли, потому что утратили Бога»* [7;394].

Сейчас существует множество мнений по поводу политических событий в России первой трети XX века, в частности революции. Одно время очень модно было «бить себя кулаком в грудь» и кричать, что революция 1917 года это чума, все ее вожди – злые гении, и корни всех теперешних бед страны именно в ней. Это мнение разделяет добрая половина населения России. Другая половина говорит, что виной всему не революция, а те, в чьи руки попала власть после нее (очень ярко это изображает М. Булгаков в «Собачьем сердце»), что идеи, которые отстаивала революция, действительно задуманы были для того, чтобы вывести человечество на более совершенную ступень развития. Более того, революция, как считали современники, была неизбежна. *«Режим самодержавия, православия и официальной народности охранялся пушками и штыками, полицией и охранкой. ...Все не колеблющееся, не имеющее противоречий, четко сформулированное, сильное не внутренней убежденностью, а механическим давлением огромного коллективного прессы, — все это составляло рутину, которую надо было взрывать...»*, — пишет А. Белый в предисловии к своей книге «Начало века» [2;8].

Мы не будем становиться на чью-либо сторону в данном вопросе. Отчасти правы и те, и другие (это особо важно подчеркнуть, чтобы в образовательном процессе сохранить за учащимся право на выбор своей собственной мировоззренческой позиции). Но в чем, по нашему мнению, действительно была ошибка, так это в том, что в революционном процессе пытались уничтожить религию, православие, искоренить в человеке веру в Бога.

Это в принципе, как показывает нам опыт, накопленный человечеством, как показывает всемирная история, невозможно. Вера рождается вместе с человеком, это часть самой сущности человека. Вяч. Иванов пишет: *«Вера есть голос стихийно-творческого начала жизни; ее движения, безошибочны, как инстинкт»* [7;295].

Поэтому, когда мы рассматриваем духовный путь человека, и конкретно Волошина, мы имеем в виду восстановление божественного образа и подобия в человеке. Не становление, не развитие, а именно восстановление. В. Иванов говорит, что утверждение достоинства человека не *«в гармоническом развитии человеческих свойств и способностей»*, а *«в достоинстве блудного сына»*.

Бог сотворил Адама полнокровной и полномыслящей личностью по Своему образу и подобию. *«Однако сотворенный по любви и получивший свободу человек не воспользовался драгоценным даром, но стал беспутно растрачивать его, разделяя свою естественную простоту и теряя целокупность. Произошло крушение, и как результат падение. Человек потерял Бога»* [9;74].

Отсюда сумрачное состояние и поиск пути обратно в то самое светлое прошлое, которое становилось будущим, ибо человеку оказалось не по силам взять на себя ответственность за все мироздание и быть и богом, и человеком.

Трагедия сознания этого внутреннего противоречия человечества и конкретной личности и есть трагедия М. Волошина, и русского символизма.

Волошин это понимал. Откуда и взялось его высказывание: *«Из преступлений самое тяжелое не убийство, а воспитание детей»*:

*Из всех насилий,
Творимых человеком над людьми,
Убийство — наименьшее,
Тягчайшее же — воспитанье.*

(«Государство», 1922)

Многие приняли это за обычный эпатаж. Но серьезные слушатели были покорены глубиной мысли, ...тонким остроумием и блеском этой фразы. Поэт считает, что *«ребенок живет полнее, сосредоточеннее и трагичнее»*, он ближе к Богу, а взрослые, воспитывая своего ребенка, уводят, отдаляют его тем самым от Бога. *«Когда, вспомнив и связав свое темное детское «Я» со своим взрослым скупым «Я», мы поймем значение всего переживаемого ребенком: мистический смысл его игр, откровения его фантазий, метафизическое значение его смутных воспоминаний, доисторические причины его непонятных поступков, то изменится вся система нашего воспитания и*

вместо насильственного заполнения его девственной памяти бесполезными и безразличными сведениями, мешающими его работе, мы сами будем учиться у него, следить за его путями и только изредка помогать ему переносить непомерное напряжение его духа»,— пишет Волошин [4;494].

И действительно, в детях веры больше, она у них на уровне сердечного знания..

Именно поэтому, как пишет Волошин в своей работе «Откровения детских игр», детей так увлекает таинство религиозных обрядов. Обобщая свое обрядовое творчество, А. Герцык говорит: *«Вспоминая теперь свои детские представления, я вижу, что все имели в основе случай, стремящийся найти себе санкцию и стать законом. Это была потребность упорядочивать жизнь, давать окружающему чудесные объяснения, чтить непонятную, незримую силу и принимать от нее приказания»* [6;500]. Волошин добавляет: *«Понятия игры, мифа, религии и веры неразличимы в области сонного сознания. Дети, жизнь которых не обставляется религиозными обрядами и символами, пришедшими свыше, сами создают свои служения и таинства»* [4;499].

Поэт призывает всех вернуться в детство, хотя осознает, что это очень сложно.

*Пройдемте по миру, как дети,
Полюбим шурианье осок,
И терпкость прошедших столетий,
И едкого знания сок.*

*Таинственный рой сновидений
Овеял расцвет наших дней.
Ребенок — непризнанный гений
Средь буднично серых людей.*

(«Пройдемте по миру, как дети...», 1903)

Волошин и сам был как большой ребенок, чистый, всегда жизнерадостный и общительный. Волошин был известен в обществе под кличкой «Господин «это очень интересно!»». *«Это восклицание действительно хорошо — цельно — определяло тогдашнее его существо: воплощенную жажду жизни, полную кипения и любопытства бытопознания»,* — вспоминает А. Амфитеатров [6;133].

Тема восстановления образа в человеке не нова для литературы. Еще в своей книге «Аксель» Вилье де Лиль Адан говорил: *«Познание — это воспоминание. Человек не учится — он только находит потерянное: вселенная лишь предлог для развития этого всезнания»*. А в Евангелие от Матфея написано: *«Если не обратитесь и не будете, как дети, то не войдете в царство небесное»* (18;3). Это напутствие было для Волошина истиной, свидетельством чему и является вся его жизнь.

Мы не можем сказать, что Волошин в начале своего духовного пути был ортодоксально религиозен, но религиозен непременно. И больше всего он тяготел к христианству.

Вяч. Иванов считал, что истинное символическое искусство непременно прикасается к области религии, поскольку религия есть прежде всего чувство связи всего сущего и смысла всяческой жизни. Вот отчего можно говорить о символизме и религиозном творчестве как о величинах, находящихся в некотором взаимоотношении.

Поэты и писатели Серебряного века обращаются к библейско-христианским и мифологическим образам в силу их многозначности и многогранности. Библейский образ, во-первых, ясен, во-вторых, таинственен, то есть несет в себе прозрачность и сакральность одновременно, что вписывается в эстетику символизма.

Каждый образ — это символ, и, *«поистине, как все нисходящее из божественного лона, — по слову Симеона о Младенце Иисусе, — «знак противоречивый», «предмет пререканий»*.

Практически все символисты обращались в своем творчестве к библейским образам. Многие это делали только лишь ради образа в силу общедоступности его понятия. Слова «Бог», «Пресвятая Богородица» (иногда почти отождествлявшаяся с «Прекрасной дамой» Блока) помогали создавать образы, хорошо рифмовались и накладывали оттенок таинственности, что давало возможность создавать сопоставления.

Например, Брюсов тоже использовал библейско-христианские образы, но при этом «совершенно закрыт», по его же словам, для него «мир библии». *«Из этой области я не написал ни одного стихотворения»*, — передает слова Брюсова Волошин. Брюсов не был религиозен. В своей статье «Miscellanea» (от лат. *смесь*) он пишет: *«Если есть «чудо» в христианстве, то только одно: что такая бедная содержанием религия, вся составленная из клочков египетской мудрости, еврейства,*

неоплатонизма и других учений, могла иметь такой успех. Причина тому, конечно, политическая» [3;364].

Александр Блок «верил, что Бог есть, но это был его Бог, только его, а не Господь Русской Православной Церкви. Если внимательно читать его стихи, то это можно легко увидеть, хотя слово «Бог» часто живет в его произведениях» [8;657].

Своеобразное, обостренное восприятие Бога было и у Марины Цветаевой, которая выросла в профессорской среде, где вера не была основой жизни.

Андрей Белый был антропософом, его отношение к Богу основывалось на антропософских и христианских воззрениях, но все же не на православно-христианских.

Сологуб восставал против Бога, отвергая Его, считая человека центром вселенной. В своем стихотворении он обращается не к Богу, а к Сатане:

*Когда я в бурном море плывал
И мой корабль пошел ко дну,
Я так воззвал: «Отец мой, диавол,
Спаси, помилуй – я тону.*

И в другом стихотворении продолжает:

*Что мы служим молебны
И пред Господом ладан кадим!
Все равно непотребны,
Позабутые Богом своим.
В миротканной порфире,
Осененный покровами сил,
Позабыл Он о мире
И от творческих дел опочил*

[8;660-661].

Но все-таки большинство символистов были верующими людьми, стремились отыскать совершенную Любовь, Свободу, Красоту, отыскать Бога. В известной мере с тем же патетически-возвышенным библейским словарем встречаемся иногда у раннего Маяковского. Но у Маяковского же встречаемся и с новым явлением: с ироническим переосмыслением этого словаря. Библейский словарь остается, но в иной тональности, и он звучит уже как издевка над «откровениями» символистов о «святых» иконах, Христе и т. п. Так, например, «вездесущность» и «всеведение» Бога представлено как всезнание по части вин и местопребывания красивейших «Евочек».

Нельзя не упомянуть в данной статье о том, что христианство на Руси было тесно связано с язычеством, с древним славянским мифом, что, конечно же, отразилось в творчестве поэтов-символистов.

Так, например, у Н. А. Клюева Христос не вытеснил из природы языческих богов, а величественно принял их в свою обитель как земных ангелов. В его стихе чудесным образом сошлись язычество и христианство, ощущение изначального единства с природой и религиозно-художественное понимание быта.

Православие на Руси действительно было тесно связано с язычеством. Еще великий русский фольклорист А. Н. Афанасьев подметил *«наклонность народного ума во всем находить аналогию»* [1;15]. *«С принятием христианства многие из старинных языческих преданий были перенесены на некоторые лица ветхо- и новозаветных святых.*

Младенчески неразвитый народ не в силах был разорвать своих связей с прадедовской стариною; старина эта проникала весь строй его речи, а с тем вместе и все его воззрения на жизнь и природу; каждый день, каждый час она напоминала ему о себе в тысяче тех слов и оборотов, помимо которых он не умел и не мог выразить своих мыслей. Чтобы всецело отрешиться от образов и верований, созданных язычеством, для этого нужно было отказаться ему от заветов предков, от убеждений, подсказываемых ему языком; он невольно, бессознательно вносил их в область новой христианской религии, или, лучше сказать — объяснял ее догматы в духе собственных преданий, и пользовался для этого всякою сходною чертою, всяким поводом к сближению и даже случайным созвучием слов», — пишет Афанасьев [1;148]. Так, например, на Илью-пророка были перенесены все атрибуты и все значение древнего Перуна, бога дождя, грома и молнии.

Таким образом, древнерусская литература построена на слиянии язычества и христианства. У Волошина тоже встречаются подобные союзы. Например, в стихотворении «Лик ужаса в бесстрастности эфира...» из цикла сонетов «Lunaria» нам встречается образ Денницы-Люцифера.

*Зане из сонма ангельского клира
На Бога Сил, Творца бездушных сфер,
Восстал в веках Денница-Люцифер,
Мятежный князь Зенита и Надира.*

Денница — в славянской мифологии образ полуденной зари (или звезды). У Волошина же это синоним Люцифера. Люцифер («утренняя звезда» с лат.) — в христианской традиции одно из обозначений сатаны, как подражателя свету Бога.

Однако Волошин, в отличие от многих поэтов-символистов, вкладывал в библейский образ глубокий религиозный смысл.

Одним из любимейших великих людей прошлого для Волошина был Франциск Ассизский (1182—1226) — основатель нищенствующего монашеского ордена францисканцев, проповедовавший духовную радость, добродетель ощущения Христа в мире, а не вне мира, любовь к природе, данной человеку как Божий дар, чувство братства со всем сущим. Если искать в истории хотя бы отдаленные аналогии личности русского поэта или художника, то черты сходства Волошина с этим святым католической церкви, воспетым поэтом в стихотворении «Святой Франциск» (1919 г.), окажутся весьма значительными:

*Ходит по полям босой монашек,
Созывая птиц, рукою машет,
И тростит ногами, точно пляшет,
И к плечу полено прижимает,
Палкой как на скрипочке играет,
Говорит, поет и причитает...*

.....

*И монашка звери окружали,
Перед ним колени преклоняли,
Ноги прободенные лизали.
И синели благостные дали,
По садам деревья расцветали,
Вишеньем дороги устилали,
На лугах цветы благоухали,
Агнец с волком рядышком лежали,
Птицы пели и ключи журчали,
Господа хвалою прославляли.*

В декабре 1926 года Волошин рассказывал о святом Франциске слушателям Народного университета в Феодосии. А 1 августа 1926 года в его доме был проведен вечер в честь 700-летия со дня смерти святого Франциска. Волошину были близки у Франциска отказ от осуждения кого-либо, идеи бедности, сочувствие ко всякому живому. В вышеупомянутом стихотворении слова «ноги прободенные» означают стигматы, которые Франциск получил в 1224 году. В стихотворении «Русская революция» (1919) Волошин сравнивает Россию с этим католическим святым:

Как некогда святой Франциск

*Видал: разверзся солнца диск,
И пясти рук и ног — Распятый
Ему лучом пронзил трикраты —
Так ты в молитвах приняла
Чужих страстей, чужого зла
Кровоточащие стигматы.*

В статье «Россия распятая» (1920) Волошин пишет: «С Россией произошло то же, что происходило с католическими святыми, которые переживали крестные муки Христа с такою полнотою веры, что сами удостоивались получить знаки распятия на руках и на ногах. Россия в лице своей революционной интеллигенции с такою полнотою религиозного чувства созерцала социальные язвы и будущую революцию Европы, что ... приняла своею плотью стигмы социальной революции» [5;323].

Символично, конечно же, само название статьи «Россия распятая». Образ России для Волошина это образ святой мученицы, которая — «социально наиболее здоровая из европейских стран — совершает... жертвенный подвиг, принимая на себя примерное заболевание социальной революцией, чтобы, переболев ею, выработать иммунитет и предотвратить смертельный кризис болезни в Европе» [5;323].

Волошин верил в особую предназначенность России. Он сравнивает ее с библейским Ковчегом Завета, охраняемым свыше.

*Каждый, коснувшийся дерзкой рукою —
Молнией поражен:
Карл — под Полтавой; ужален Москвою,
Падает Наполеон.
Помню квадратные спины и плечи
Грузных германских солдат —
Год... и в германии русское вече:
Красные флаги кипят.
Кто там? Французы? Не суйся, товарищ,
В русскую водоверть!
Не прикасайся до наших пожарищ —
Прикосновение — смерть!*

(«Неопалимая купина», 1919)

Иногда поэт видит Россию одержимой демонами, а иногда просто юродивой. В стихотворении «Русь глухонемая» (1918) он уподобляет ее бесноватому отроку, которого привели к Иисусу для того, чтобы тот изгнал из него злого духа:

*Был к Иисусу приведен
Родными отрок бесноватый:*

*Со скрежетом и в пене он
Валялся, корчами объятый.
.....
Не тем же ль духом одержима
Ты, Русь глухонемая! Бес,
Украв твой разум и свободу,
Тебя кидает в огонь и воду,
О камни бьет и гонит в лес.
И вот взываем мы: «Прииди!»
А избранный вдали от битв
Кует постами меч молитв
И скоро скажет: — «Бес, изыди!»*

А в стихотворении «Святая Русь» (1917) Россия показана темной, юродивой, но все же такой любимой, такой родной и святой!

*Я ль в тебя посмею бросить камень?
Осужу ль страстной и буйный пламень?
В грязь лицом тебе ль не поклонюсь,
След босой ноги благословляя, —
Ты — бездомная, гулящая, хмельная,
Во Христе юродивая Русь!*

Данный отрывок — реминисценция библейского «кто без греха, пусть первым бросит в нее камень!»

Уникальный случай запечатлен в воспоминаниях М. Д. Шульгиной, рассказывающей об одном концерте в лагере белогвардейцев в Галлиполи в 1921 году: «На небольшую эстраду вышел чтец и прочел стихи Максимилиана Волошина «Святая Русь». Весь зал слушал его с большим волнением. Внезапно все обратили внимание на то, что произошло с кадетами. Эти мальчики, строго по равнению стоявшие возле эстрады, вдруг начали рядами опускаться на колени. Когда декламатор произносил последние шесть строк этого удивительного произведения, все мальчики-кадеты стояли на коленях и под слова:

«В грязь лицом тебе ль не поклонюсь» все они, как один, опустили головы и действительно поклонились до земли...» [5;441].

На долю России выпало множество испытаний, ведь она, как считает Волошин, избранная, она призвана своею жертвой искупить грехи всех государств, всех народов:

*Вот лежит она, распята сном,
По вековечным излогам,*

*Расплесканная по дорогам,
Искусанная огнем,
С запекшимися губами,
В грязи, в крови и во зле,
И ловит воздух руками,
И мечется по земле.
И не может в бреду забыться,
И не может очнуться от сна...
Не все ли и всем простится,
Кто выстрадал, как она?*

(«На вокзале», 1919)

Поэт не теряет веру в святую родину, напротив, эта вера крепнет с каждым днем. В поэзии Волошина нам часто встречается образ неопалимой купины. Так называется сборник стихов о войне, революции и о России — «Неопалимая купина» — и одно из стихотворений.

Неопалимая купина — по библейскому преданию, горящий, но не сгорающий куст терновника, из которого Бог говорил с Моисеем.

В поэтическом переосмыслении Волошина Неопалимая Купина это символ России, лик России — России темной, загадочной, непостижимой, но великой, сильной, родной, святой, избранной Богом.

*Кто ты, Россия? Мираж? Наважденье?
Была ли ты? есть? или нет?
Омут... стремнина... головокруженье...
Бездна... безумие... бред...
Все неразумно, необычайно:
Взмахи побед и разрух...
Мысль замирает перед вещью тайной
И ужасается дух.
.....
Мы — зараженные совестью: в каждом
Стеньке — святой Серафим.
Отданный тем же похмельям и жаждам,
Тою же волей томим.
Мы погибаем, не умирая.
Дух обнажаем до дна.
Дивное диво! — горит, не сгорая,
Неопалимая Купина.*

(«Неопалимая купина», 1919)

Волошин, «примерявший» в молодости все мировые религии, западные и восточные, в зрелые годы вернулся «домой» — к православию. Он пишет поэмы, представляющие собой «житийные» переложения: «Протопоп Аввакум», «Сказание об иноке Епифании», «Святой Серафим».

Поэмы об этих подвижниках Волошин пишет свободным стихом:

*... Двенадцать лет
Закопанным в земле меня держали:
Думали, погасну,
А я молитвам да бденьям свечу
На весь крещеный мир.
От света земного заперли,
Да свет небесный замкнуть не догадались.*

(«Протопоп Аввакум», 1918)

Волошин стремился выбрать из подлинников самое ценное и характерное и подчинить стихи интонациям живой речи, передавая тем самым обаяние «старо-русской души». Поэту удалось сохранить не только стиль подлинника, но и дух времени, характеров, образов.

Библейские образы и мотивы очень часто встречаются в творчестве Волошина. Образ Каина и реминисценцию библейского предания о братьях Каине и Авеле мы видим в названии цикла поэм о трагедии материальной культуры «Путями Каина». Каин — старший сын Адама и Евы, убивший своего брата Авеля.

Человек «продешевил» свой дух «за радости комфорта и мещанства». Ради материальной наживы он готов пойти на подлость, предательство, даже на братоубийство, то есть по пути Каина.

В этом цикле стихотворений Волошин показал свое отношение к современной культуре, к человеку, к политике, то есть к государству. Поэт говорит, что здесь он формулирует почти все свои социальные идеи, большей частью отрицательные.

Свои рассуждения на тему «Библейские образы в творчестве М. Волошина» нам хотелось бы завершить стихотворением «Владимирская Богоматерь», которое поистине можно считать криком души, признанием в любви. Владимирская Богоматерь — одна из самых прославленных икон в Древней Руси, вывезенная в Киев из Константинополя в начале XII века. Волошин впервые

увидел икону весной 1924 года в Историческом музее в Москве. Т. В. Шмелева — двоюродная племянница Волошина — вспоминала: *«Директор исторического музея пригласил Волошина посмотреть вновь приобретенные древнерусские иконы. Среди них была та, ради которой Макс пошел, — икона Владимирской Божьей Матери. С нее сняли семь покровов, и она предстала в своем первоначальном виде. Макс дал кресло, и он в молчании и одиночестве провел у этой иконы несколько часов. На следующий день Макс вновь... отправился на свидание с иконой. Это повторялось несколько раз»* [6;485]. Волошин позже признался, что, созерцая Лик этой иконы, он пережил моменты подлинной жизни. И вот появились стихи — «Владимирская Богоматерь»:

*Не на троне — на Ее руке,
Левой ручкой обнимая шею,—
Взор во взор, щекой припав к щеке,
Неотступно требует... Не мею —
Нет ни сил, ни слов на языке...*

Владимирская Богоматерь для Волошина — воплощение истинной Красоты, Любви, Свободы, ее Лик — Лик самой России:

*Светлый Лик Премудрости-Софии,
Заскорузлый в скарденной Москве,
А в Грядущем — Лик самой России —
Вопреки наветам и молве.
Не дрожит от бронзового гуда
Древний Кремль, и не цветут цветы:
Нет в мирах слепительнее чуда
Откровенья вечной красоты!*

Стихотворение «Владимирская Богоматерь» «входит в душу православного человека великой любовью к Пресвятой Богородице». *«Конечно, поэзия Волошина, — по словам о. Арсения, — противоречива, но осудить его за это нельзя. Он был большой поэт, сын своего века и окружения, но был верующим и православным»* [8;668].

В заключение напрашиваются следующие выводы:

- 1) Волошин, как и все символисты, использует в своем творчестве библейские образы и мотивы в силу их общедоступности — с одной стороны и сакральности — с другой, а так же в силу их многозначности.
- 2) Волошин был глубоко верующим человеком, поэтому в библейский образ он вкладывает, в отличие от некоторых поэтов-символистов, которые используют образ только ради самого образа, еще и глубокий религиозный смысл.

3) Образ Божий в человеке, как считает Волошин, не развивается, а восстанавливается. Поэтому вся жизнь поэта — поиск пути обратно в потерянную Обитель.

4) В творчестве Волошина библейские образы часто связаны с образами древнерусской мифологии.

5) В зрелом возрасте Волошин приходит к православию, и его стихотворения становятся настоящей исповедью и признанием в любви к Богу. Волошин молится за все человечество и призывает его жить по божественным законам:

Верь в безграничную мудрость мою:

Заповедь людям двойную даю.

Сын благодати и пасынок нив!

Будь благодарен и будь справедлив!

Мера за меру. Добро за добро.

Честно сочти и верни серебро.

Да не бунтует мятежная кровь.

Равной любовью плати за любовь.

Два любивших да станут одно,

Да не расплещут святое вино.

(«Верь в безграничную мудрость мою», 1915)

В этой вере сила Волошина как личности и художника, побеждающего время вечными категориями надежды и любви, из которых первая – Любовь!

Список использованной литературы:

1. Афанасьев А. Н. Мифология древней Руси. Москва, ЭКСМО, 2005
2. Белый А. Начало века. Серия литературных мемуаров. М., «Художественная литература», 1990.
3. Брюсов В. Я. Сочинения. М., «Художественная литература», 1987, т. 2.
4. Волошин М.. Лики творчества. Ленинград, «Наука», 1988;
5. Волошин М.. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. М., Издательство «Правда», 1991.
6. Воспоминания о Максимилиане Волошине. Под ред. В.П. Купченко и З.Д. Давыдова. Москва, Советский писатель, 1990.
7. Иванов Вячеслав. Родное и вселенское. Москва, «Республика», 1994.
8. Отец Арсений. Под ред. Воробьева В., М., Издательство Православного Свято-Тихоновского богословского института, 2001.

9. Ратмиров Сергей. Сто бесед о вечности. Тирасполь, «РИО ПГУ», 2004.